

ИРКУТСКИЙ МИЧУРИН, ИЛИ «САД МЕЧТЫ» Августа Томсона

История нередко хранит в тени тех, чьи дела сначала воспринимаются как причуда или упрямство – их истинная ценность раскрывается лишь спустя десятилетия, когда «чуждость» превращается в наследие. Таким человеком был Август Карлович Томсон. Это имя, которое сегодня помнят немногие, в Иркутске первой половины XX в. было известно каждому, кто хоть немного интересовался садоводством и верил, что им можно успешно заниматься в суровом сибирском климате. Движимый не столько материальной выгодой, сколько внутренним убеждением и жадой познания, этот человек, не окончивший университетов, но обладавший поразительной интуицией и практическим даром, смог создать сад с крупнейшей в Восточной Сибири коллекцией плодово-ягодных и декоративных растений. Не имея специального образования, за 40 лет неустанного труда в своем саду Томсон выполнил объем опытной работы, сопоставимый с деятельностью научно-исследовательского института. Его книги, написанные в одиночку и не поддержанные грантами, и десятилетия спустя представляют интерес для специалистов и служат руководством для садоводов-любителей

Ключевые слова: Август Карлович Томсон, «Сад Томсона», Иркутск, Восточная Сибирь, Байкальский регион, акклиматизация, гибридизация, метод ментора, И. В. Мичурин.

Key words: August Karlovich Thomson, "Thomson's garden", Irkutsk, Eastern Siberia, Baikal region, acclimatization, hybridization, mentor method, I. V. Michurin

А. К. Томсон с внуком. Иркутск, 1944 г. Иркутский областной краеведческий музей имени Н. Н. Муравьева-Амурского

Фото с freepik.com

© В. Я. Кузеванов, А. В. Попов, 2025

КУЗЕВАНОВ Виктор Яковлевич – кандидат биологических наук, доцент Байкальского государственного университета, директор и научный руководитель Ботанического сада Иркутского государственного университета (1992–2017 гг.), заместитель председателя Общественной палаты г. Иркутска. Автор более 200 научных публикаций, включая 6 монографий

ПОПОВ Александр Владимирович – горный инженер, председатель Союза садоводческих некоммерческих объединений граждан Иркутского района и г. Иркутска, член Общественной палаты г. Иркутска

и думал, какая богатая здесь земля, какая богатая природа, не может быть, чтобы она была мачехой для человека. Просто люди еще не взяли ее в свои руки.

<...> Я затеял разговор с соседями по вагону, среди которых были и сибиряки, о возможности садоводства в Сибири. Почти все, кто ехал в вагоне, заявили, что это пустые мечты, что природа Сибири из-за сурового климата не поддается культуре. Из дальнейших разговоров я узнал, что в Восточной Сибири есть уже немало людей, которые заражены такой же сумасбродной мыслью и даже для разведения садов выписывают с Волги саженцы яблонь и других деревьев.» (Томсон, 1950, с. 9).

Приезд Томсона в Сибирь не был случайностью. Начало XX в. стало эпохой масштабного освоения Сибири и Дальнего Востока. Ключевую роль в этом процессе сыграла знаменитая аграрная реформа, инициированная тогдашним председателем Совета министров Российской империи П. А. Столыпиным. Указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования», подписанный Николаем II 9 ноября 1906 г., предоставил крестьянам право выходить из общины и получать землю в личную собственность.

С 1906 г. масса безземельных переселенцев, в одиночку и семьями, охваченных надеждой на лучшую жизнь, устремилась на восточные окраины Российской империи, где можно было начать все с нуля, приобрести землю и построить будущее. Среди этих людей была и семья Томсона. Иркутск стал для него не просто пунктом назначения, но и местом, где его давняя мечта о собственном саде начала воплощаться в жизнь.

Карта Иркутска. 1915 г.
Библиотека Конгресса США.
Public Domain

«Маяру надлежит быть маяром и не совать свой нос в науку!»

По приезде в Иркутск действительность, по словам Томсона, оказалась даже суровее, чем он предполагал: «...ни в 1907, ни в 1908 годах я земли для сада не нашел. Тогда я начал разводить сад в своей квартире. В кадках и ящиках были высажены деревья и ягодные кустарники, росли они бурно, т. к. находились в тепле, но, конечно, подобное комнатное садоводство ни к чему хорошему привести не могло. Наконец, через год, отказывая себе во всем, я накопил немного денег и приобрел в поселке [станции Иннокентьевская] усадебный участок в 300 кв. саженей [около 1367 кв. м], со старым заброшенным бараком» (Томсон, 1950, с. 15).

Старый барак Томсон обустроил под жилище, а на освободившемся участке основал свой первый питомник. Убедившись на опыте других садоводов в бесполезности высадки в готовом виде европейских яблонь, он решил посадить в саду дикорастущие плодовые растения с намерением прививать к ним культурные. В качестве

«В первые годы после приезда в Иркутск я пытался найти культурный плодовой материал на месте, чтобы самому развести опытный сад. Но мои попытки не дали положительных результатов.

Только впоследствии, когда у меня уже был свой сад, я познакомился с женой первого садовода Иркутска, учителя Еличева – в то время уже умершего. В саду Еличева, кроме ягодников и декоративных растений, в кадках росло несколько яблонь, которые жена Еличева собиралась высаживать в грунт. Лучший сорт морозостойкой полукультурной яблони, выведенной Еличевым в кадках, был впоследствии мной распространен под названием «еличевка». Еличевым было рассажено также несколько гряд дичков сибирской яблони, но прививку их произвести он не успел. Сам я к опытной работе по садоводству смог приступить только с 1909 года, когда из журналов узнал о работах минусинского садовода М. Г. Никифорова. Я завел с ним переписку и выписал от него черенки яблонь. Первые опыты пришлось производить у себя на квартире в пос. Иннокентьевском. Только через год мне удалось приобрести усадебный участок в 300 кв. саж., где и был заложен первый опытный питомник» (Томсон, 1940, с. 10–13)

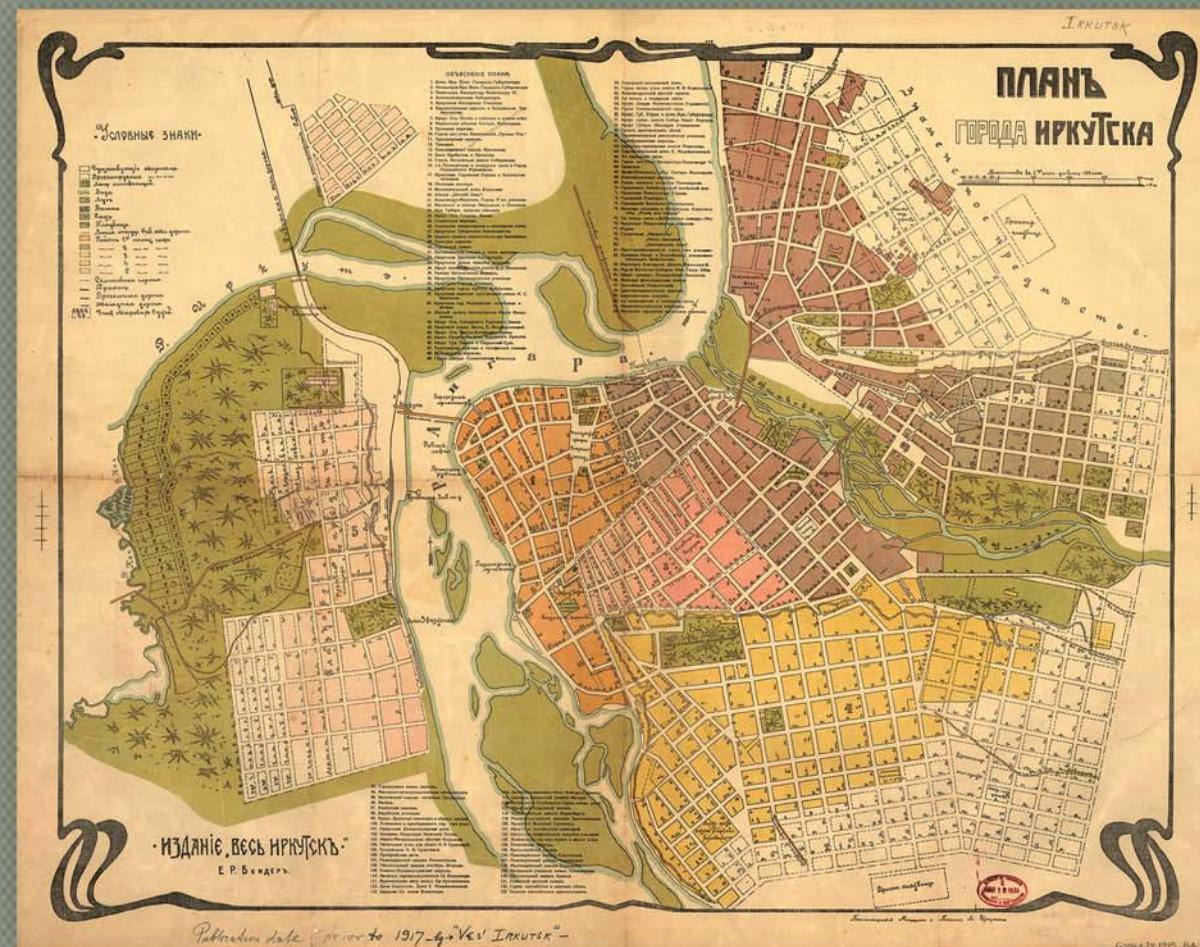
«Если человек не может изменить климат, то создать определенные условия для растений он может».

А. К. Томсон (1950)

В тенистых улицах западной окраины Иркутска скрывается уголок, где время будто остановилось. Это – знаменитый «Сад Томсона», ставший к середине XX в. крупнейшим собранием плодовых и декоративных культур в регионе. А началась его история с маленького садика при скромном деревянном домике маяра в железнодорожном депо.

...Тридцатишестилетний Август Томсон приехал в Иркутск в 1907 г. вместе с женой и маленькой дочкой. Позади была жизнь, полная лишений: детство в многолюдной семье латышского лесника, который с трудом смог дать сыну начальное образование, годы тяжелой работы в садах и на огородах у одного из немецких баронов в Прибалтике. Когда жизнь в поместье, где батраков считали за рабочий скот, стала невыносимой, Август бежал в Россию. Начались годы странствования: сотни городов и деревень, множество разнообразных профессий, но осесть нигде не удавалось: в годы реакции после революции 1905 г. к «чужакам» относились с подозрением.

«С тяжелым чувством, как в изгнание, ехал я в Сибирь. Я знал, что в Сибири садов нет, и думал, что разводить их здесь невозможно. Значит, прощай, любимое дело, прощай надолго. В один прекрасный, полный яркого солнца день во время моего пути в Сибирь наш поезд по какой-то причине остановился среди тайги. Мы вышли из вагонов и увидели изумительную картину. Перед нами была небольшая долина, покрытая сочной зеленью и усыпанная яркими цветами. Дальше темнел мощный лес, а еще дальше синели закрывающие горизонт горы. Я долго любовался этой картиной

Купец 1-й гильдии
В. Н. Баснин. Москва. 1860 г.
Фото К. А. Бергнера. ИЗО ГИМ
(Москва)

«Баснинский сад» во многом соответствовал критериям ботанического сада, представляя собой коллекцию документированных растений с этикетками на русском и латинском языках. Он включал в себя большой оранжерейный комплекс из трех соединенных между собой стеклянных оранжерей и парников общей длиной около 70 м. Сам сад, где росли растения открытого грунта, занимал не менее 5 тыс. м². Он был любимым местом отдыха иркутян, где собиралось много гуляющих (Кузеванов, 2011).
Справа – продольная аллея сада Басниных. 1869 г.
Фото из архива Зенковича

ПЕРВЫЕ САДЫ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Восточная Сибирь – регион с суровым континентальным климатом: экстремальные температуры, небольшое количество осадков, короткое лето и долгие холодные зимы исторически препятствовали развитию традиционного садоводства с плодовыми культурами. Ученый натуралист А. Георги, путешествуя в 1772 г. по окрестностям Байкала, оставил заметки о садах Иркутска: «Почти у каждого дома есть сад с различными овощами... Многие сады украшены различными китайскими цветами... Плодовые деревья по новейшим опытам не поддаются выращиванию...» (Georgi, 1775; Кузеванов, 2008). Известный петербургский ботаник Ф.Б. Фишер в 1821 г. предложил организовать в Иркутске экономико-ботанический сад, где можно было бы «разводить все растения, приспособлять к климату и раздавать...», но проект так и не был реализован. В 1834 г. в Иркутске появился «Баснинский сад», созданный купцом Н. Т. Басниным, дело которого продолжил его сын Василий при участии знаменитого ботаника, знатока азиатских растений Н.С. Турчанинова. В этом саду с переменным успехом удавалось выращивать не только отечественные, но и экзотические культуры (груши, вишни, персики, виноград и др.), что наглядно демонстрировало возможность акклиматизации новых видов.

Интендантский сад в Иркутске был организован в 1871 г. на благотворительные взносы на месте естественной рощи, принадлежавшей интендантскому управлению. *Public Domain*

В «Иркутских губернских ведомостях» за 1858 г. писали: «В городе Иркутске нет плодовых деревьев, какие в других местах России имеются, а потому садоводство здесь невыгодно. Для народного гулянья существует, как сказано, сад и сверх того при частных домах, хотя и есть несколько садов из сибирских деревьев, но такое садоводство, по незначительности своей, не может быть принято в расчет.

К числу плодовых деревьев и кустарников принадлежат здесь – яблоня, приносящая весьма мелкие плоды, черемуха, рябина, облепиха, смородина, малина и кислица. С 1818 года некоторые из жителей начали разводить в комнатах и оранжереях ананасы, лимоны, апельсины, а в садах – испанскую клубнику и крыжовник. Барбарис и крыжовник хотя росли, но плодов не было. Особого разряда людей, живущих собственно от садоводства и огородничества, в Иркутске нет, ибо первого из сих занятий не существует» (цит. по Андреева, 1958, с. 137).

С конца XIX – начала XX в. шло во многом стихийное становление сибирского садоводства. Массовая миграция населения, появление железных дорог и новых поселений создали спрос на садовые культуры, способные адаптироваться к суровым климатическим условиям Восточной Сибири. При этом Иркутск, несмотря на статус важного административного и культурного центра региона, не обзавелся научными учреждениями, специализирующимися на садоводстве и растениеводстве. И на то были причины.

Город был форпостом по изучению обширных территорий Сибири, дальневосточного Приморья и Камчатки, а также Аляски и северо-западного побережья Северной Америки. Поэтому здесь активно функционировали такие организации, как Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества (ВСОИРГО), ориентированные, как и приезжавшие иностранные ученые, на изучение масштабных «экзотических» объектов, таких как озеро Байкал, сибирские ландшафты и флора. Садоводство же, особенно в городской среде, воспринималось скорее как простое бытовое занятие

привоя использовались наиболее морозоустойчивые формы, уже разводимые в Западной Сибири, такие как *ранетки* – мелкоплодные гибриды, полученные при скрещивании *сибирской ягодной яблони* и крупноплодных сортов.

Весной Томсон посадил на участке семена и черенки ягодных растений – как дикорастущих, так и выписанных у других сибирских садоводов, а также дикорастущие яблони, к которым сразу были привиты черенки ранеток. Однако большинство растений погибло, у многих сибирских яблонь прививка не прижилась, и только две из них стали давать плоды.

Этот горький опыт привел Томсона к важному выводу, что нужно высаживать как можно больше растений, чтобы выбрать наиболее пригодные для культивирования. Но в результате его участок так быстро переполнился, что растения стали заглушать друг друга.

В поиске нового места для сада Август Карлович столкнулся с недоверием и активным сопротивлением со стороны окружающих. В городской управе его доклад даже не выслушали, а один из заседавших там купцов со злостью заявил: «Некогда нам такой ерундой заниматься. Земля нам нужна для выпаса скота, а не для садов» (*Там же*, с. 16). Резолюция же на заявлении Томсона губернскому агроному, где он подробно изложил свои мысли о гибридизации, акклиматизации и других путях выведения нужных для Сибири плодовых растений, была просто оскорбительной: «Землю можно выделить в тайге, но к чему это? Никаких средств на дурацкие любительские затеи не даем. Маляру надлежит быть маляром и не совать свой нос в науку!» (*Там же*, с. 17).

Неудивительно, что Томсон долгое время ощущал себя «кустарем-одиночкой», и были моменты, когда руки у него опускались и приходила мысль признать себя побежденным.

А. К. Томсон. Иркутск, 1915–1920-е гг.
Иркутский областной краеведческий музей имени
Н. Н. Муравьева-Амурского

Дело сдвинулось с мертвой точки лишь в 1914 г., когда крестьяне из Подгородно-Жилкинского селения, впечатленные его успехами в садоводстве, «решили уступить... в аренду отброшенный ими участок в десять десятин [около 11 га] на Ново-Иннокентьевском выселке, весь усеянный пнями и заросший кустарником» (цит. по Кузнецова, 2008, с. 43). На следующий год Томсон построил там временный барак. Вместе с женой они упорно расчищали территорию, и уже к осени все растения были перенесены на новую землю.

Этот период Томсон вспоминал с особой теплотой: «Исполнялась мечта моей жизни – закладывался сад, в котором я могу по-настоящему заняться опытами, померяться силами с суровой сибирской природой. Закроешь глаза от усталости и ясно видишь, как покрывается голая земля цветущим садом» (Томсон, 1950, с. 17).

«Природа сибирская дана богом, и не человеку сделать из Сибири Крым»

С началом Первой мировой войны представители властей стали активно посещать села Восточной Сибири, чтобы объяснить крестьянам важность возделывания продовольственных огородных культур. Особое внимание уделялось Иркутску и маленьким

Дом А. К. Томсона с садом и пасекой в п. Иннокентьевском, где был заложен первый опытный питомник. В работе садовода поддерживала его верная супруга и помощница Констанция Михайловна

«Переносить сад на новое место мне пришлось своими силами, да к тому же в свободное от работы на дороге время – по воскресеньям, а в рабочие дни – вечерами и даже ночами. До сих пор помню, как мучились мы с женой с переноской сада, с раскорчевкой пней вековых деревьев, которыми был густо усеян участок, с вырубкой березняка. Мы выбивались из сил, но не помню, чтобы жена хоть раз упрекнула меня за тяжелый труд. У меня болели руки и спина. Я отгонял от себя всякую мысль об отдыхе. О каком отдыхе могла быть речь, когда исполнялась мечта моей жизни...» (Томсон, 1950, с. 17)

городкам, где планировалось создавать опытно-показательные поля для стимуляции развития садоводства и огородничества.

Тем временем Томсон, обладая скромным имуществом – деревянным домиком стоимостью около полутора тысяч рублей и небольшим участком, не стал использовать эту землю для выращивания востребованных овощей, а превратил ее в экспериментальный питомник плодовых деревьев. В феврале 1915 г. поселковое управление Иннокентьевской станицы направило губернскому агроному доклад, где подчеркивалась значимость начинаний одного из жителей – Августа Карловича Томсона. Его труды в области садоводства были впервые признаны серьезными и достойными государственного внимания и поддержки.

Из своего скудного заработка Томсон ежегодно выделял до 50 рублей на закупку научной литературы, семян, саженцев и даже пчелы культурных сортов яблонь для проведения опытов. Он уже добился частичных успехов в облагораживании сибирской яблони – некоторые деревья зацвели и принесли плоды. Правда, попробовать яблоки ему не удалось – их воровали уличные мальчишки. Тем не менее яблоня успешно пережила зиму без укрытия, что подтвердило их морозоустойчивость.

Посадочный материал для сада Томсон сначала собирал в различных уголках Иркутской губернии. Так на его участке появились дикая малина, черная смородина, земляника, облепиха, черемуха и многие другие плодово-ягодные растения.

Затем «началась кропотливая работа по отбору растений <...> Я верил в силу отбора и безжалостно уничтожал все, что было хуже. Из сотни приходилось оставлять лишь десятки. Выбрасывал с болью – ведь в каждый кустик был вложен мой труд. Но иначе нельзя, иначе ничего ценного не вырастишь».

Постепенно в саду подбирались растения, имеющие наилучшие, в условиях Сибири, плодовые качества. Отбор продолжался и велся в двух направлениях. Отбирались лучшие растения, а из лучших растений отбирались для получения семян лучшие плоды. Сотни отобранных растений, имеющие свои индивидуальные свойства, будучи посажены в одном месте, естественно, скрещивались между собой и обменивались этими свойствами. Так, дикая черная смородина в конце концов превратилась в культурную смородину, ничем не отличающуюся от смородины, растущей в садах

«Способность растений приспосабливаться к различной среде, приобретать под влиянием среды новые качества велика, но проявляется эта способность у разных видов растений и даже у отдельных экземпляров по-разному – у одних быстрее, у других медленнее.

Поэтому исследователя не должен смущать тот факт, что многие растения в первые годы своей жизни способности приспосабливаться к измененным условиям не выказывают. Учитывая то обстоятельство, что более южные сорта, как правило, не выдерживали столкновения с суровой сибирской зимой, я старался разводить плодовые и ягодные растения от родителей, выращенных в близких к Иркутской области климатических условиях. И, несмотря на это, я ежедневно убеждался, что почти все растения, даже самые устойчивые в других районах, в Иркутске вели себя первое время плохо и подвергались обмерзанию, но затем постепенно приобретали большую или меньшую устойчивость. Очевидно, за этот срок молодые организмы растений приспосабливались к новым жизненным условиям, то есть акклиматизировались.

Выяснилось при этом, что эта приспособляемость тем выше и устойчивее, чем в более суровых условиях находились молодые деревья. Как правило, растения, на долю которых в детстве выпали теплые зимы, оказывались более изнеженными, чем те, которые росли в неблагоприятные годы. Плохо выживали также те растения, которые высевались на жирной почве, они тоже становились неженками и гибли при первом испытании» (Томсон, 1950, с. 41)

„Природа сибирская дана богом, и не человеку сделать из Сибири Крым. Сибирь была и останется Сибирью“, – говорили эти люди» (Там же, с. 20).

Наконец, уже в 1920 г., в разгар гражданской войны, произошло событие, которое стало поворотной точкой в отношении общества к работе Томсона и его сада. По предложению местного военкома городские власти приобрели у него все имеющиеся в саду саженцы тополей и «акаций» (караганы древовидной) для озеленения стадиона «Авангард» (ныне спортивный комплекс «Труд»). Деревья, посаженные тогда, сегодня являются великанами. Эта поддержка вдохновила Томсона окончательно оставить работу на железной дороге и целиком посвятить себя саду.

Европейской части СССР, но обладающую большей выносливостью» (Томсон, 1950, с. 33–34).

В 1915–1916 гг. в его саду уже росло множество сортов и форм яблонь, включая крупноплодные стелющиеся формы; появился и питомник ранеток, наиболее адаптированных к сибирским условиям.

Дальнейшие годы, на которые пришлось революция, а потом и гражданская война, были отмечены для Томсона не только личными достижениями, но и разочарованиями. Его насаждения и ограда уничтожались хулиганами, а чиновники, к которым он обращался, отвечали насмешками: «Да брось ты ненужное дело, сади лучше картошку, чем занимать землю какими-то кустиками» (Там же, с. 19). Вырастив в питомнике несколько сотен яблонь, он отдавал их бесплатно и предлагал помощь при выращивании, однако желающих не находилось.

Еще в сентябре 1915 г. Томсон опубликовал в журнале «Сельский хозяин» статью «К вопросу о развитии садоводства в Иркутской губернии», где рассказал о тяжелом

положении, в котором находилось садоводство, и возможности создания садов в Сибири. Но еще долгое время это был голос вопиющего в пустыне. Как вспоминал сам Томсон, «надо мной стали откровенно смеяться даже в так называемых интеллигентных кругах, называя сумасшедшим, чудачком, решившимся поспорить с сибирской природой».

Расцвет

Изначально «Сад Томсона» задумывался как семейное частное собрание плодовых культур, преимущественно яблонь и груш, различных дикорастущих видов и экзотических растений из разных уголков мира. Однако уже к началу 1920-х гг. структура сада

Талантливый человек талантлив во всем. А. К. Томсон в цветнике около своего дома. Иркутск, 1930-е гг. Иркутский областной краеведческий музей имени Н. Н. Муравьева-Амурского

«Опыт показал мне, что при акклиматизации плодовых растений в Сибири надо учитывать: 1) что изменению, воспитанию под влиянием климатических условий могут подвергаться только молодые сеянцы, не достигшие константной возмужалости сорта; 2) не всякий сеянец может акклиматизироваться, приспособиться к новым условиям существования, успех акклиматизации зависит от того, насколько близки новые условия к тем, в которых рос сорт, давший сеянец; чем ближе эти условия, тем легче проходит акклиматизация; 3) для создания выносливых сортов необходимо выращивать молодые сеянцы в тех условиях, в которых они будут продолжать дальнейшее свое существование и которые не способствуют буйному развитию растения» (Томсон, 1950, с. 46–47)

значительно усложнилась, обогатившись питомниками («школой» и маточником), а позже – оранжереей и хозяйственными постройками (Селянгина, 2014).

В 1921 г. сад стал базой филиала Тулунской опытной станции. Под руководством директора станции, биолога-селекционера В. Е. Писарева, Томсон впервые начал проводить целевые научные испытания различных сортов зерновых, технических, овощных культур и кормовых трав.

«В качестве опыта сеялись также такие редкие у нас культуры, как древовидная кормовая капуста, на второй год достигающая двухметровой высоты, гаюлян, топи-намбур [«земляная груша»] и т. д. Работая с этими культурами, я проходил своеобразный университет опытной работы. Она помогла мне осмыслить многие приемы селекции и семеноводства. Она еще раз показала мне, как щедра сибирская природа, если держать ее в умелых руках. Все, что я ни сеял, все, что я ни сажал, при определенных условиях ухода замечательно росло и давало хороший урожай. Значит, – сделал я заключение, – суть не в климате, а в создании наиболее подходящих для

«Только с 1925 года мои опыты по садоводству приняли по-настоящему научный и последовательный характер, приняли потому, что с этого года я уже работал не вслепую, не как кустарь-одиночка, а как ученик и последователь Мичурина. <...> Знакомясь с работами Мичурина, я понял, что не может быть науки без практики, а сила науки заключается в том, что она помогает практике двигаться вперед. Я стал мечтать о встрече с Мичуриным, который стал моим учителем. Встретиться с великим преобразователем природы мне так и не удалось, тысячи километров отделяли нас друг от друга. Но я всегда чувствовал его внимание к моей работе, его заботу и помощь. В 1925 году я написал Ивану Владимировичу свое первое письмо, в котором просил его дать мне ряд советов и прислать саженцев и семян его, мичуринских, сортов. Мичурин живо откликнулся на мою просьбу, и я получил первую партию семенного материала из далекого Козлова. С тех пор связь с Мичуриным, а затем с Мичуринским институтом, не прерывалась» (Томсон, 1950, с. 24–25)

Российский ученый-практик, выдающийся селекционер И. В. Мичурин в своем саду-питомнике под г. Козловым. 1934 г. *Public Domain*.

каждого растения условий. Если человек не может пока изменить климат, то создать определенные условия для растений он может» (Томсон, 1950, с. 21–22).

С каждым годом популярность сада росла. Местная печать стала уделять внимание работе Томсона, в саду начали проводиться первые экскурсии, на которые приходили рабочие-железнодорожники, местная интеллигенция, дети... «Помню, как я был несказанно обрадован, когда в сад, в самый разгар цветения яблонь, пришла большая группа школьников. Дети родились и росли в Иркутске и никогда не видели плодовых деревьев. Сначала они с опаской ходили по саду, потом детская любознательность взяла верх над чувством смущения, и они стали забрасывать меня вопросами» (Там же, с. 22).

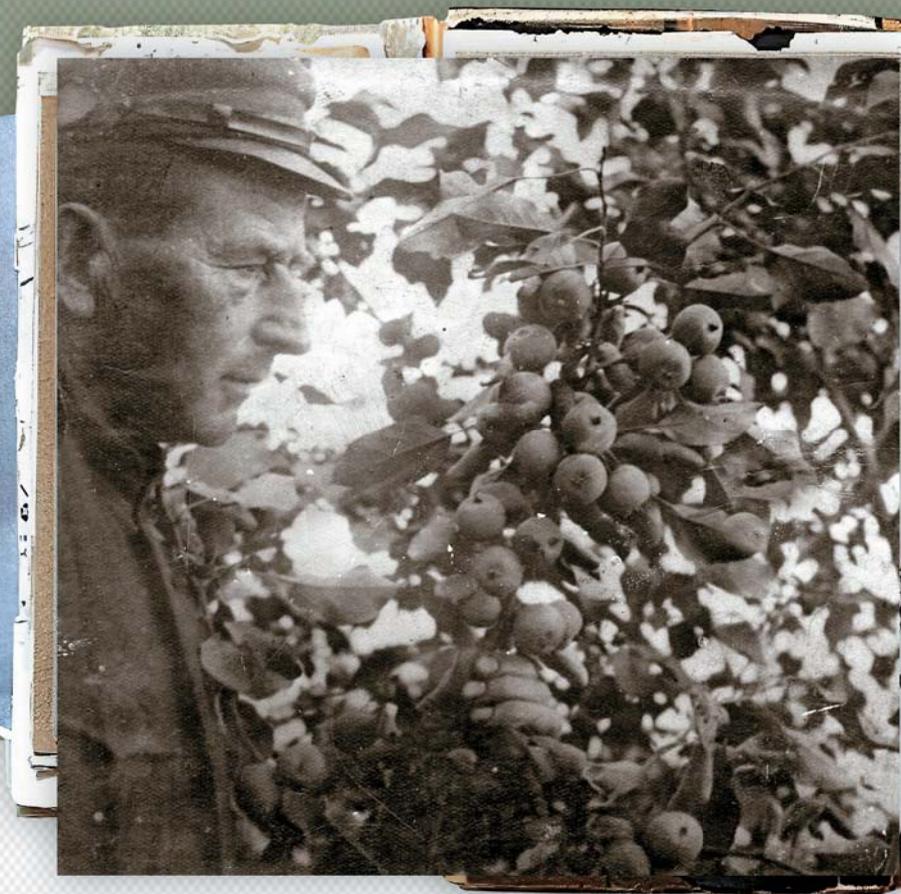
Всем экскурсантам садовод предлагал взять саженцы молодых яблонек, но, одобряя его дело, редко кто решался приняться за него. «Как ни странно, наиболее консервативными оказались огородники и цветоводы, которым садоводством было заняться легче, чем кому-либо, и у которых был опыт работы с растениями...». Даже самый известный среди иркутских огородников поначалу встретил это предложение враждебно: «Мне доход нужен, а не опыты. Огород – отрасль доходная, а что даст сад – еще неизвестно. Да и вам советую

бросить это дело. К чему о других людях заботиться...» (Там же, с. 23).

Общение и совместная работа с сибирскими садоводами, переписка с И. В. Мичуриным, участие в сельскохозяйственных выставках, лекции и экскурсии сделали свое дело – сад Томсона стал известным далеко за пределами Иркутска. Ни один праздничный день не проходил без посетителей. За 10 лет, с 1925 г., Август Карлович провел 92 коллективные экскурсии с числом участников более 3 тыс., и это без учета тех, кто посещал сад самостоятельно. И на каждой встрече он подробно рассказывал о методах выращивания растений и особенностях садоводства.

За это время он разослал по области свыше 100 тыс. (1) саженцев различных культурных растений, которые преобразили не только Иркутск, но и соседние поселения. Сад Томсона стал первым иркутским питомником: саженцы из него были высажены на сотнях гектаров не только Иркутской области, но и Забайкалья, Бурятии, Монголии, Якутии.

В 1931 г. по соседству с садом Томсона общество учителей заложило на площади около 21 га первый в Иркутске коллективный педагогический и в то же время промышленный сад «Просвещенец», посадочный материал для которого в первые годы брали исключительно из его питомника. Через 10 лет этот сад уже напоминал

«К 1930 годам удалось вывести несколько уникальных сортов яблонь, способных выдерживать морозы до -50°C . Самым знаменитым стал сорт Сибирячка, плоды которого достигали веса 150 г и сохранялись всю зиму» (Томсон, 1940, с. 31)

«Сорок лет опытной работы в саду убедили меня в том, что нельзя покрыть Сибирь садами, занимаясь только акклиматизацией. В этом случае еще можно развести многие сорта ранеток, которые легче поддаются закаливанию, но культурные ценные сорта яблонь с устоявшейся наследственностью упорно не меняют своей природы и не могут справиться с сибирскими морозами. Сибирские садоводы нашли выход из положения. Они решили так: если растение не может приспособиться к среде и она не в силах изменить его природу, то следует, изменив среду, создать для него искусственную обстановку, в которой растение будет себя чувствовать хорошо. Так зародилась идея разводить сады в Сибири в стелюющей форме. Заставляя яблони расти в горизонтальном положении, мы облегчаем им перенесение сурового климата. На зиму снег, как одеяло, закрывает стелющиеся яблони, и они растут и плодоносят. <...> Но вырастить таким путем новые сорта яблонь, приспособленных к сибирскому климату и имеющих ценные продуктивные качества, невозможно, как не всегда возможно это сделать и при помощи акклиматизации. Нужно сочетать акклиматизацию с другим методом – гибридизацией, делающей их более восприимчивыми к изменению природных условий. Опыт убедил меня, что качественное улучшение плодов лучше всего достигается гибридизацией, а стойкость сорта – последующей акклиматизацией молодых растений. Особенно ясно понял я правильность этого вывода после знакомства с замечательными работами Мичурина по половой и вегетативной гибридизации» (Томсон, 1950, с. 48–49)

«Труднее всего поддается акклиматизации яблоня. Я брал различные сорта культурных яблонь, вплоть до наиболее северных, и даже при посеве семенами выживали из них и начинали плодоносить при высокоштамбовой форме только очень редкие экземпляры, причем и те в наиболее суровые зимы без укрытия часто вымерзали. Но все же можно привить известную стойкость и яблоне, если процесс акклиматизации проводить постепенно и терпеливо» (Томсон, 1950, с. 43)

небольшой плодовой совхоз, где собирали богатые урожаи яблок и ягод.

«Не может быть науки без практики»

Работу по интродукции и акклиматизации растений Август Карлович не прекращал до конца своей жизни, хотя его методы часто были ближе к искусству, чем к строгой науке. Он активно применял закалывание, прививки, скрещивание, а также *метод ментора* – направленное воспитание молодых растений при их прививке на другой сорт. По словам экспериментатора, этот метод позволил адаптировать такие культуры, которые ранее считались невозможными для выращивания в Сибири.

К середине 1930-х гг. коллекция сада Томсона насчитывала множество форм яблони и груши – как диких, так и культурных, адаптированных для суровых условий региона. Многие из этих растений к тому времени были, по сути, полноценными сортами, крупноплодными и с высокой устойчивостью к климатическим стрессам. Томсон давал этим уникальным для региона сортам и формам условные названия и распространял среди местных садоводов.

Благодаря энтузиазму и любви Томсона к экспериментам ему удалось успешно акклиматизировать в своем саду таежные и степные виды сибирских и дальневосточных растений, включая *черемуху, сливу китайскую, облепиху, барбарис амурский* и т. д.

В коллекцию также вошли экзотические для региона деревья и кустарники: *тополь бальзамический, ирга, орех маньчжурский, бархат амурский* и целый ряд других плодовых и декоративных культур. Хотя Томсон и не занимался целенаправленной селекцией этих видов, но именно благодаря его усилиям многие из них были впервые введены в культуру в Восточной Сибири.

Методом проб и ошибок Томсон разработал технологии массового размножения перспективных форм и сортов деревьев и кустарников, устойчивых к сибирским условиям, которые до сих пор широко используются для озеленения городов в этом регионе, в первую очередь в Байкальской Сибири и Иркутской области.

Особого внимания заслуживала оранжерея, где садовод выращивал такие субтропические культуры, как *инжир, гранат, цитрусовые, фейхоа* и др. Культивирование растений, привезенных из Северной Америки, Китая, Кореи, Японии, Западной Европы и Кавказа, стали символом стремления естествоиспытателя преодолеть все границы для создания своего «райского сада» в условиях сибирского климата.

К концу 1930-х гг. сад Томсона представлял собой уже настоящий селекционный центр, где он вместе с единомышленниками проводил учебные экскурсии, семинары, конференции и выставки для студентов, педагогов, специалистов и любителей садоводства. Здесь проходили практику учащиеся Иркутского сельскохозяйственного института и Иркутского государственного университета.

Один из близких сподвижников Томсона, учитель П. И. Малиновский, позже стал первым директором Иркутского ботанического сада, созданного при университете в 1940–1941 гг. Основу его коллекции составили плодовые и декоративные растения, которые были интродуцированы Томсоном.

«Первая трудность при проведении гибридизации в Сибири заключается в недостатке исходного материала. Такой исходный материал мы имеем почти по всем ягодным растениям, так как эти растения широко распространены в Сибири даже в диком виде. Ценным материалом для гибридизации являются также уссурийская груша и уссурийский виноград. Они, как показывает мой опыт и опыт других садоводов, успешно акклиматизируются в условиях Иркутска.

<...> Иначе обстоит дело с яблоней. Первое время я возлагал большие надежды на дикую сибирскую яблоню как на ценный материал при гибридизации. <...> Сибирская ягодная яблоня очень мелкоплодна, 2–4 плодика весят один грамм. Ценность сибирки заключается в ее замечательной морозостойкости, которую она в значительной мере передает полученным от нее гибридам.

<...> Если бы наши стойкие гибридные ранетки, полученные непосредственно от сибирки, обладали свойством давать при гибридизации с культурными сортами яблоки во много раз более крупные, чем ранетка, то мы посредством одного лишь метода гибридизации могли бы создать для Сибири крупноплодные стойкие сорта яблонь. Но наши ранетки не обладают этим свойством, и уже у гибридов второй генерации идет сильное расщепление. <...> Следовательно, надо отобрать лучшие гибриды и вести их дальнейшее улучшение путем акклиматизации, а затем, когда они получат устойчивую сопротивляемость климату, можно вести дальнейшую гибридизацию яблонь, уже используя в качестве исходного материала не сибирскую яблоню, а гибриды, выращенные на месте. Такой вывод сделан мной на основании опыта» (Томсон, 1950, с. 50–52)

А. К. Томсон около яблони сорта Гамма. Этот прививочный сорт был выведен с помощью метода ментора. Сорт оказался зимостойким, давал крупные плоды, которые не портились при зимнем хранении, а приобретали хороший вкус. Иркутск, 1930-е гг. *Иркутский областной краеведческий музей имени Н. Н. Муравьева-Амурского*

В 1938 г., когда Августу Карловичу исполнилось 67 лет, он решил передать государству значительную часть своего сада, включая дом, питомник и оранжерею. Вместе с бывшим садом «Просвещенец» дар Томсона вошел в состав Областного плодово-ягодного поля, позже ставшего учебным хозяйством сельхозинститута. К тому времени его коллекция насчитывала уже более 230 сортов и форм яблонь, 77 видов и форм других плодово-ягодных культур (груша, слива, уссурийский виноград, вишня, малина, смородина, крыжовник и т. д.), также 47 видов декоративных растений, включая дуб и вяз.

Но сам Август Карлович не ушел на заслуженный отдых. По его словам, «на этом ограничилась моя работа над мелкими ранетками

«Путем повторной гибридизации в сочетании с работой по правильному воспитанию, закаливанию гибридов, можно несомненно получить для Сибири ценные сорта. Лучше всего в этом случае гибридизацию проводить вегетативным путем, проводя работу по воспитанию и закреплению сорта при помощи метода ментора. Метод этот, как известно, разработан И. В. Мичуриным.

<...> Если в качестве подвоя взять взрослое дерево и в его крону привить молодой культурный сорт, в таком случае, как показал И. В. Мичурин, может произойти значительное изменение привоя. Этот мичуринский способ переделки растения мной был использован при работе с яблоней и дал неплохие результаты.

<...> Обыкновенно принято размножать сибирскую ранетку путем прививки на самых молодых дичках-сеянцах сибирки, возможно ниже к корневой шейке. При этом считают, что сибирка дает свою устойчивость и привою. Как могут молодые сеянцы сибирки воздействовать как ментор на привой, когда сами, подобно гибридным сеянцам, еще находятся в самой молодой стадии развития? Воздействовать на привой как ментор сибирка может только в более старшем возрасте, когда она прошла или заканчивает свое развитие и уже приобрела определенную силу воздействия.

<...> Это подсказывает нам, что надо переходить при разведении крупноплодных яблонь от общепринятой ранеточной кустовой формы к штамбовой форме. В сибирских условиях штаб должен быть выведен не от отвода культурного привоя, а от подвоя сибирки. Для этого, не считаясь с некоторыми неудобствами, необходимо в питомниках выращивать и применять для прививки дички сибирки более старшего возраста, достигшие нужной высоты» (Томсон, 1950, с. 52–56)

«За период с 1925 по 1936 год в Иркутске и области возникли десятки любительских садов. Большинство из них первый посадочный материал получили из моего сада и садов опытников Западной Сибири. <...> Экскурсии в сад стали все чаще и чаще, и почти каждая экскурсия кончалась тем, что ее участники сами брались за разведение плодовых деревьев и кустарников» (Томсон, 1950, с. 26)

и полукультурками, и я переключился всецело на свою последнюю основную задачу – добиться всеми средствами науки и природы стойких крупноплодных сортов яблонь...» (цит. по Гаращенко 2008, с. 49). Он также продолжил читать лекции и доклады о сибирском садоводстве и озеленении, проводить просветительские экскурсии и консультации, курировать и ухаживать за коллекциями.

В 1940 г. за участие во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москва (за 5 месяцев работы ее посетило 4,5 млн человек) А. К. Томсон был удостоен малой золотой медали. На выставке был воспроизведен участок его сада, для чего пришлось отправить в столицу десятки посылок с деревьями и кустарниками, которые хорошо прижились на новом месте.

По его словам, «В надежде, что „научные работники“ поведут процветание садоводства более успешно, чем я мог это сделать, я сдал свой большой помологический [плодовый] сад безвозмездно государству. Но я в этом глубоко ошибся. Сад в первые годы зарос непроходимым бурьяном и затем пыреем. Питомники тоже заросли пыреем и наконец совсем исчезли. Тогда началась распродажа более молодых посадок яблонь и наконец старых яблонь из бывшего моего сада».

С того времени и вплоть до наших дней «Сад Томпсона» претерпел ряд губительных изменений: менялась конфигурация его территории, права землепользования, способы управления землей и сами уполномоченные государственные организации (Апраксина, 2004; Пономарева, 2009). Положение не спасла даже передача сада в начале 1950-х гг. Восточно-Сибирскому филиалу АН СССР в качестве научной базы его Биологического сектора (будущего Сибирского института физиологии и биохимии

Студенты и садоводы-любители в саду А. К. Томсона. 1930-е гг. Иркутский областной краеведческий музей имени Н. Н. Муравьева-Амурского

Практические рекомендации садоводам от А. К. Томсона: «Климатические условия в Сибири чрезвычайно разнообразны, а нужно учитывать, что не всякое растение быстро приспосабливается к новым условиям. Как правило, даже самые устойчивые деревья, перенесенные в другой климат, некоторое время болеют и значительно оттягивают свое плодоношение. С этим не приходится считаться при опытной работе, но при разведении производственных садов такая задержка наносит хозяйству большой ущерб. Вот почему я считаю, что необходимо заложить питомники в каждом районе подобно тому, как для развития сортовых посевов зерновых культур мы в каждом районе создаем районные семеноводческие хозяйства.

<...> Саженцы из питомников лучше всего брать осенью, причем деревья с умеренным ростом можно посадить сейчас же на место, а с длинными побегами, чтобы не замерзли, оставить до весны прикопанными землей. Сад обязательно должен быть защищен от ветров, поэтому на границах сада и между отдельными клетками сада

следует сажать высокоштамбовые неплодовые деревья, а между ними делать живую изгородь из наиболее устойчивых кустарников.

Второе замечание касается частоты посадки деревьев. Редкая посадка может нанести в наших условиях огромный вред. Деревья, посаженные на большом расстоянии друг от друга, оказываются совершенно беззащитными против убийственных ветров, которые нередко причиняют большие бедствия. Опасаться того, что густо посаженные деревья и кустарники будут тесниться и мешать друг другу, не приходится. Как правило, всегда лучше развивались в моем саду растения, которые были высажены более густо – гнездами. <...> Не следует также увлекаться прореживанием кроны, чтобы сделать деревья красивее и компактнее. Сибирские плодовые деревья, в частности ранетки, не случайно образуют густую с тонкими разветвлениями крону. Эта разветвленная крона является естественным предохранением дерева от солнечных и морозных ожогов» (1950, с. 60–63)

Упадок и возрождение

К сожалению, передача сада государству в 1938 г. стала началом долгого пути его упадка. Томсон не предвидел этого, когда подписывал документы, но в последних рукописных заметках 1950 г. признал это своей самой страшной ошибкой в жизни (Гусевская, 2014; 100 лет саду Томсона ..., 2014).

«Мысль организовать общество любителей садоводства была поддержана прежде всего учителями. <...> И вот, наконец, настал день, который оставил у меня самое светлое воспоминание. Это было 21 августа 1927 года. В этот день в мой сад из Иркутска I и II приехало более 50 энтузиастов сибирского плодоводства. Среди них были уже искушенные в общении с природой старые иркутские цветоводы, рабочие железнодорожники, посадившие на своих приусадебных участках первые яблоньки, агрономы и больше всего учителей-естественников. Были и мои ровесники, и совершенно юная молодежь. Было так ярко и тепло, словно мы собирались на каком-нибудь южном курорте, а не на окраине сибирского города. Год был урожайный, и сад наполнился ароматом различных яблок и других плодов, настолько обильно усеявших деревья, что листьев почти не было видно» (Томсон, 1940, с. 27)

Экспозиция «Клуба Томсона» в выставочном комплексе «Сибэкспоцентр». Иркутск, 2025 г.

В перестроечные годы началась борьба за землю. И если в период расцвета сад занимал около 30 га, то к 2012 г. его площадь сократилась почти втрое. Остальные земли были утрачены в результате незаконных захватов, строительства жилых домов и промышленных объектов.

«Сад Томсона» выжил благодаря людям, которые понимали его историческую и культурную значимость. В 1989 г. Иркутским отделением Всероссийского общества охраны природы (ВООП) был организован первый субботник. С этого начался новый этап жизни сада – не как научного или административного объекта, а как общественного пространства.

Люди, чьи семьи некогда посещали экскурсии Томсона, приходили восстанавливать заброшенные

С 1989 г. в «Саду Томсона» стали проводиться ежегодные субботники, в которых участвовали студенты, школьники, волонтеры и местные жители

аллеи, высаживать деревья и очищать территорию от мусора. Это был не просто труд – то был акт гражданского протеста против равнодушия, символ возрождения экологического сознания. Движение иркутских садоводов-опытников «Клуба имени А. К. Томсона» и экологические акции под руководством ВООП стали щитом, защитившим сад от полного исчезновения.

В 2012 г. после обращения к городским органам власти энтузиасты добились для сада статуса особо охраняемой территории культурно-исторического значения. Там стали организовывать, в продолжение традиции Томсона, выставки и публичные мероприятия, чтобы вернуть сад в культурное пространство города. Но даже официальный статус сада не смог полностью остановить строительство жилых домов по соседству, прокладку коммунальных сетей, которые уничтожали корневую систему старых деревьев.

Новый этап жизни «Сада Томсона» начался с проектов его восстановления и реконструкции, в разработке которых участвовали архитекторы, ландшафтные дизайнеры, ученые, студенты и активисты. В 2014 г. был предложен план спасения сада, предусматривавший создание восьми функциональных зон (от исторической до питомника и музея имени Томсона), а также реконструкцию аллей и развитие эколого-просветительских программ.

В 2017–2022 гг. иркутские архитекторы и градостроители разработали масштабный проект. Он включает устройство главного входа, постройку фундаментального ограждения, восстановление и реконструкцию дорожной сети, водоемов и оранжерей, создание зон отдыха и обучения (Шленова, Красильников, Маяренков и др., 2017). Работы по этому проекту уже начались.

История городского клуба садоводов-опытников имени А. К. Томсона («Клуб Томсона») началась в 1927 г. с общества иркутских садоводов-любителей. Его секция, возродившаяся спустя 34 года при горсовете, к 1981 г. превратилась в клуб областного значения, объединивший людей самых разных профессий. «Клуб Томсона» стал ключевым звеном, через который его идеи и методы работы распространились среди тысяч садоводов Байкальского региона

растений), который был нацелен на фундаментальные исследования флоры Сибири и изучение таких важных сельскохозяйственных культур, как пшеница.

Каждый новый этап трансформации сада сопровождался потерей части коллекций и разрушением инфраструктуры. Без должного ухода посадки со временем стали сокращаться, оранжереи обветшали и рухнули, опытные поля оказались заброшены, а часть деревьев вырублена; территория заросла бурьяном, превратившись в свалку.

К началу 1960-х гг. сад уже не был тем живым, устойчиво функционирующим организмом, как при жизни Томсона.

- 1 1-й ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ:
 - АДМИНИСТРАТИВНЫЙ БЛОК,
 - ДЕНДРОКОЛЛЕКЦИЯ,
 - ОТКРЫТАЯ ПЛОЩАДКА ДЛЯ ФЕСТИВАЛЕЙ И ЯРМАРОК
- 2 2-й ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ:
 - ПИТОМНИК,
 - НАУЧНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПЛОЩАДКА,
 - УЧЕБНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПЛОЩАДКА,
 - ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ,
 - ОРАНЖЕРЕЯ
- 3 3-й ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ:
 - ПЛОДОВО-ЯГОДНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ,
 - ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ОГОРОД,
 - ЛАНДШАФТНЫЙ ПАРК,
 - САД АРОМАТНЫХ ТРАВ,
 - ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР

А. К. Томсон в своем саду. 1930-е гг. Иркутский областной краеведческий музей имени Н.Н. Муравьева-Амурского

Август Карлович Томсон – фигура, редкая даже для истории отечественной науки. Не имея формального биологического или сельскохозяйственного образования и поздно занявшись опытной работой, он провел более 1000 экспериментов по скрещиванию, разработал технологии культивирования 78 новых для региона культур и подготовил более 3000 садоводов (Томсон, 1950).

Созданный им крупнейший в Восточной Сибири фонд живых морозостойких растений стал не только хранилищем биоразнообразия, но и источником идей и знаний, не говоря уже о генетическом материале. Его подходы к работе и выведенные им устойчивые сорта заложили

Современный генеральный план к концепции восстановления и реновации «Сада Томсона»

фундамент, на котором десятилетиями строилось садоводство и озеленение Иркутска и всей Байкальской Сибири, определяя ее облик вплоть до начала XXI в.

Сегодня легендарный «Сад Томсона» – это больше, чем территория, где растут деревья и цветы и гуляют люди. Это живая метафора устойчивости: он напоминает, что упадок возможен, но не неизбежен, что память, которую берегут, может жить в веках. Что один человек может создать сад, но лишь сотни людей вместе способны его сохранить.

Создавая свой сад, Томсон не просто преобразил один участок земли – он запустил процесс масштабного изменения отношения людей к окружающей природной среде. Появление новых парков, скверов и дачных садов улучшило

экологическую ситуацию в городах и поселках, способствуя поддержанию природной устойчивости уникального сибирского региона, даже если сами участники процесса не всегда осознавали значимость происходящих изменений.

Возрожденный «Сад Томсона» должен стать центром экологического просвещения, образовательной площадкой, где дети и взрослые учатся любить живую природу. А его история – послужить наглядным уроком о том, как важно сохранить наше достояние и как много может сделать общественное движение, нацеленное на благое дело.

Именно такие одиночки, как Август Томсон, носители «генов будущего», и формируют подлинную ткань российской культуры. Их труд, вера и упрямство становятся опорой для целых поколений. Их наследие – призыв: быть честным, быть упорным, быть человеком, даже когда мир требует иного.

Публичная презентация проекта восстановления «Сада Томсона» в 2017 г. Фото С. Маяренкова

Литература

Андреева Р.А. Сад пионера иркутского садоводства Августа Карловича Томсона. Историческая справка // Архив службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области. № 97. Л. 1.

Гаращенко А.Н. А.К. Томсон и его сад. Историческая зарисовка // Краеведческие записки. Иркутск, 2008. Вып. 15. С. 39–62.

Кузеванов В.Я. Ананасы под соснами. «Ботанический сад» купцов Басниных // НАУКА из первых рук. 2011. № 3 (39). С. 36–53.

Кузеванов В.Я. «Ботанический сад» В.Н. Баснина. В кн.: Связь времен: Баснины в истории Иркутска. Иркутск: Оперативная типография «На Чехова», 2008. С. 48–61.

Селягина А.А. Проектный подход к реконструкции Сада Томсона в Иркутске // Баландинские чтения. 2014. Т. 9, вып. 1. С. 147–152.

Томсон А.К. Опыт плодоводства в Иркутской области. Иркутск, 1940. 37 с.

Томсон А.К. Сорок лет опытной работы по садоводству. Иркутск, 1950. 66 с.

Шленова В.М. Научное обоснование историко-культурной ценности сада Августа Карловича Томсона. Иркутск: ИО ВООП, 2012. 20 с.

Шленова В.М., Красильников А.Г., Маяренков С.Ю. и др. Концепция реконструкции «Сада Томсона». Иркутск, 2017. URL: <http://siburbanlab.ru/sadtomsona>.

Авторы и редакция благодарят директора Иркутского областного краеведческого музея им. Н.Н. Муравьева-Амурского С.Г. Ступина и главного хранителя фондов С.Н. Маливноцеву, предоставивших архивные фотографии из собрания музея, а также разработчиков проекта по восстановлению «Сада Томсона», актив Иркутского отделения ВООП и членов «Клуба садоводов-опытников им. А.К. Томсона» за помощь в подготовке иллюстративного материала